

14. *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов: Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии / под ред. и со вступ. ст. Э. М. Мурзаева. М., 1946.
15. *Пушкин А. С.* Фрагмент письма к П. А. Вяземскому, ноябрь 1825 г. // А. С. Пушкин. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9 : Письма, 1815–1830. М., 1959–1962.
16. *Ратцель Ф.* Политическая география. Народоведение. Гл. 1 : Государство как организм, тесно связанный с землей // Геополитика : хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб., 2007. С. 15–36.
17. *Рахимова М. В.* О популярной культуре США // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Rakhimova/> (дата обращения: 19.09.2019).
18. *Уткин А. И.* Подъем и падение Запада. М., 2008.
19. *Яковкина Н. И.* История русской культуры XIX в. СПб., 2002.

Рукопись поступила в редакцию 09 октября 2019 г.

УДК 327.56(5-15) + 327.56(73) + 341.17

**Г. Н. Валиахметова
Е. С. Пелевина**

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ: ВЗГЛЯД ИЗ ТОКИО

В статье анализируется японский подход к обеспечению региональной безопасности в зоне Персидского залива. Авторы раскрывают причины, побуждающие Японию активно интегрироваться в систему международных отношений на Ближнем Востоке в качестве одного из ведущих внерегиональных акторов. На примерах Иранского и Катарского кризисов раскрыта специфика участия Японии в урегулировании международных проблем в зоне Залива. Выявлен комплекс факторов, ограничивающих свободу действий Японии в применении «жесткой» и «мягкой» силы как в вопросах региональной безопасности, так и в сфере продвижения своих национальных интересов в зоне Залива. Исследование базируется на японских документальных и научно-исследовательских материалах.

Ключевые слова: Япония, Персидский залив, Ближний Восток, США, региональная безопасность.

Сегодня Ближний Восток и зона Персидского залива продолжают оставаться одним из ключевых центров мировой политики в силу своего исключительного стратегического и энергоресурсного потенциала, традиционно высокого уровня конфликтности, экстраполяции формируемых здесь угроз международной безопасности с регионального на глобальный уровень. Новым трендом в развитии ближневосточной системы международных отношений стало появление новых внерегиональных игроков в лице Китая, Японии и Южной Кореи. В отличие от России, давно присутствующей на Ближнем Востоке, Япония относительно недавно активизировала здесь свою деятельность. Опыт нового внерегионального актора, его подходы к вопросам обеспечения региональной безопасности и продвижения своих экономических и политических интересов, несомненно,

требуют детального исследования и осмысления. Особую значимость анализ ближневосточной политики Японии приобретает для современной России, которая рассматривает Ближний Восток и зону Залива как сферу своих национальных интересов. Данная статья является попыткой внести вклад в обсуждение дискуссионных проблем ближневосточной политики Японии с учетом новейших публикаций японских дипломатических документов и результатов исследований японских политологов по рассматриваемой проблематике.

Окончание холодной войны и смена глобальной мировой системы внесли значительные коррективы во внешнеполитические приоритеты Японии. Ослабление американо-японского альянса, пересмотр концепции национальной безопасности и курс на превращение страны в ответственную мировую державу открыли Японии путь к усилению ее роли в международных делах. Сегодня внешняя политика страны нацелена на реализацию своих национальных интересов путем конструктивного взаимодействия с международным сообществом в сфере экономического сотрудничества и миротворчества [26].

Политика Японии в отношении стран Персидского залива исторически базируется на интересах национальной энергетической безопасности. Сегодня этот регион обеспечивает более 80 % нефтегазового импорта Японии, что побуждает Токио к активному участию в стабилизации обстановки в зоне Залива [24]. Возрастающий вклад японских деловых кругов в процесс диверсификации экономик аравийских монархий в рамках масштабных стратегических программ развития «Видение» также побуждает Токио обезопасить внушительные японские инвестиции от неизбежных для данного региона политических рисков [21, 85–86]. С учетом различных по характеру угроз, исходящих с Ближнего Востока, японская политика в этой части света включает следующие направления: урегулирование конфликтов, контроль над вооружениями и разоружение; продвижение мирного процесса; экономическое восстановление; взаимовыгодное сотрудничество и развитие [27].

Персидский залив стал первым театром военных действий, куда Япония впервые после Второй мировой войны направила свои вооруженные силы, уступив нажиму Вашингтона, требовавшему дополнить японский финансовый вклад в урегулирование кризиса «вкладом человеческим». Ограниченное участие японских Сил самообороны в Первой войне в Заливе 1991 г. (преимущественно в форме проведения операций по тралению мин по окончании военных действий) было обусловлено наличием антимилиитаристской статьи конституции Японии и отсутствием на тот момент международно-правовой базы взаимодействия с силами ООН [5]. После ратификации японским парламентом Закона о сотрудничестве с ООН в 1992 г. [7] Силы самообороны стали принимать ограниченное участие в международных миротворческих и гуманитарных миссиях, в том числе на Ближнем Востоке: в 1996–2012 гг. японские подразделения в составе миротворческих сил ООН были направлены на Голанские высоты и в Ирак [23].

Наиболее активно японское военное присутствие расширяется в международных водах на Ближнем Востоке и в районе Африканского Рога в рамках участия в международных морских силах, созданных в оборонительных целях, а именно

для борьбы с пиратством, которое представляет серьезную угрозу энергетической безопасности Японии: импорт энергоресурсов страны обеспечивается преимущественно морскими перевозками. Законы о мерах по борьбе с пиратством 2009 и 2013 гг. позволили японским Силам самообороны, базирующимся на Ближнем Востоке, предоставлять вооруженный морской эскорт в Аденском проливе и защищать суда любых государств от пиратских атак, в том числе с применением оружия. Однако законы запрещают японским военно-морским подразделениям вступать в вооруженное противостояние с кораблями других государств, от которых также может исходить угроза торговому судоходству [25].

Для оказания помощи международной коалиции по борьбе с сомалийским пиратством в Аденском заливе Япония в 2011 г. открыла в Джибути опорный военный пункт, где постоянно базируются японский эсминец и два самолета, патрулирующих безопасность прохода через Баб-эль-Мандебский пролив морских судов, из которых примерно 10 % являются японскими [13]. Уже через год японский премьер-министр Ёсихико Нода заявил о необходимости разместить Силы самообороны в Ормузском проливе для сопровождения танкеров и проведения операций в случае закрытия этой судоходной артерии [8]. Формально в гипотетическом Ормузском кризисе право Японии на коллективную самооборону может быть применено, если возникнет явная угроза блокады пролива подводными минами, которая может быть приравнена к прямому вооруженному нападению на Японию. Первое в Персидском заливе японское военное подразделение размещено на Бахрейне [6].

В феврале 2017 г. японские Силы самообороны приняли участие в иницированных Пакистаном масштабных военно-морских учениях «Аман-17» [16]. В октябре 2018 г. в японских СМИ прошла информация о намерении Министерства обороны страны создать в Джибути первую зарубежную военную базу Японии в рамках противодействия экспансии Китая на Ближнем Востоке [4]. Это свидетельствует о том, что правительство Японии рассматривает проблемы обеспечения национальной безопасности в тесной взаимосвязи с развитием региональной обстановки на Ближнем Востоке и в Восточной Азии [10, 101; 15; 21, 87–90].

Постепенное наращивание японского военного присутствия на Ближнем Востоке, с одной стороны, приводит к выводу о возрастающем значении методов «жесткой» силы в проводимой Токио политике безопасности и в целом курса правительства Синдзо Абэ на увеличение геополитического веса страны в мировых делах. С другой стороны, очевидно, что Япония все активнее прибегает к дипломатическому инструментарию урегулирования кризисных ситуаций, стремясь остаться в русле альянса с США и в то же время приобрести статус медиатора в примирении участников многочисленных региональных конфликтов, что наглядно иллюстрирует иранский кейс.

В течение XX в. иранское направление оставалось базовым в ближневосточной политике Японии и мотивировалось энергетическими потребностями страны. До нефтяного кризиса 1973 г. Иран обеспечивал до 70 % японского нефтяного импорта, затем нефтяные поставки хотя и постепенно сокращались, но никогда

не прерывались вплоть до мая 2019 г. К этому времени иранская нефть составляла порядка 5 % в общем объеме японского нефтяного импорта, а Иран оставался третьим по величине поставщиком нефти в Японию после Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов [2]. В годы холодной войны значимость Ирана для японской дипломатии, кроме того, была обусловлена возможностью вести самостоятельную активную деятельность без оглядки на ограничения, налагаемые военно-политическим альянсом с США. Япония, продвигавшая в то время масштабный проект Ирано-японской нефтяной компании и не обремененная негативным «историческим багажом» в отношениях с Тегераном и Багдадом, оказалась для Вашингтона игроком, способным активно участвовать в урегулировании ирано-иракского конфликта (1980–1988), эффективно используя методы «челночной дипломатии» [Там же].

Однако в геополитических реалиях XXI в. и по мере роста напряженности в ирано-американских отношениях свобода действий японской дипломатии на иранском направлении находила все меньше понимания в Вашингтоне, и Токио стало труднее сохранять одновременно независимый подход к Тегерану и приверженность альянсу с США. Тем не менее Японии, вынужденной присоединиться к антииранским санкциям, удалось избежать серьезных политических разногласий с Тегераном [15]. Односторонний выход США из соглашения по ядерной программе Ирана похоронил планы Токио и Тегерана на расширение двустороннего сотрудничества. Более того, в мае 2019 г. в порты Йокогамы пришли последние иранские танкеры, поскольку США отменили временное положение об исключении Японии и ряда других стран (в том числе Индии, Китая, Южной Кореи и Турции) из введенного Вашингтоном в ноябре 2018 г. режима запрета на импорт иранской нефти [1].

Танака Коитиро, профессор Университета Кэйю и один из ведущих японских экспертов по ближневосточной политике Японии, отмечает, что ужесточение условий в иранском сегменте мировой политики переориентирует японскую дипломатию на более тесное взаимодействие с ООН в вопросах урегулирования международных кризисов на Ближнем Востоке. Вместе с тем К. Танака не отрицает, что «сейчас, когда Америка поднимает знамя унилатерализма и одностороннего отстаивания национальных интересов, вероятно, это будет не только расходиться с курсом японской политики, но и временами даже прямо противоречить ему» [2].

В июне 2019 г. Япония попыталась снизить градус американо-иранского противостояния. Формальным поводом к осуществлению посреднической миссии стал визит Синдзо Абэ в Тегеран (первый визит японского премьер-министра после Исламской революции 1979 г.), приуроченный к 90-летию установления дипломатических отношений между Японией и Ираном. Накануне поездки С. Абэ заявил: «Напряженность в ближневосточном регионе вызывает обеспокоенность. С учетом внимания международного сообщества к этому региону, я хотел бы сыграть как можно более важную роль в установлении там мира и стабильности» [3]. Тем не менее японские и иранские медиа настаивали на сугубо двустороннем характере дипломатического турне японского премьера и опровергали предположения экспертов о том, что С. Абэ должен был передать духовному лидеру

Ирана аятолле Али Хаменеи и президенту Хасану Рухани некий сигнал о готовности президента США к диалогу. Туманность формулировок, прозвучавших в официальных итоговых заявлениях Тегерана и Токио, позволяет экспертам предположить, что «даже если предложения о перемирии с США и прозвучали, в Тегеране не готовы (или не могут) на них ответить» и японская дипломатия априори не могла рассчитывать на иной исход [3].

Неоднозначные результаты посреднической миссии С. Абэ подчеркнуло нападение на японский и норвежский танкеры в Персидском заливе 13 июня 2019 г., в период пребывания японского премьера в Иране. Вашингтон возложил ответственность за атаку на Тегеран и призвал к созданию международной морской коалиции в Персидском заливе. Вопрос о целесообразности участия в очередной американской военной инициативе под предлогом защиты Ормузского пролива вызвал жесткие дискуссии в политических и общественных кругах Японии, завершившиеся официальным отказом Токио присоединиться к американской коалиции по обеспечению безопасности торгового судоходства в зоне Залива [6].

Вместе с тем японское правительство приступило к обсуждению возможности развертывания Морских сил самообороны в рамках самостоятельных наблюдательных миссий в проливах Ормуз и Баб-эль-Мандеб при наличии одобрения соответствующих прибрежных стран, прежде всего Ирана. Комментарии представителя правительства Японии Ёсихиде Суга по данному вопросу свидетельствуют о сбалансированном подходе Токио к урегулированию возникающих в зоне Залива конфликтов. «Что касается того, какие шаги будут эффективными для обеспечения безопасности плавания японских судов на Ближнем Востоке, — заявил Суга, — мы хотели бы рассмотреть вопрос с разных сторон, включая стабильные поставки сырой нефти и связи Японии с США и Ираном» [22].

Аналогичный подход превалирует в политике Японии и в сфере противодействия транснациональному религиозному экстремизму и терроризму, которая является одним из важных векторов сотрудничества Японии со странами Залива. Это обусловлено актуальностью обеспечения безопасности японских деловых интересов и собственно японских граждан, которые неоднократно становились жертвами террористических атак на Ближнем Востоке, а также подготовкой к Олимпийским играм, которые Токио собирается принять в 2020 г. В этой связи министр иностранных дел Японии Таро Коно вошел в состав руководства созданного в 2015 г. под эгидой Эр-Рияда Исламского военного альянса по борьбе с терроризмом (*Islamic Military Alliance to Fight Terrorism, IMAFT*), состоящего из более чем 40 мусульманских государств [17]. Однако в поисках путей парирования угроз со стороны радикально-экстремистского исламизма Япония полагается не столько на «жесткую» силу, сколько на глубокую интеграцию Ближнего Востока в международное экономическое, научно-образовательное и социокультурное пространство и развитие многосторонних связей со странами региона. Особую роль в реализации данного направления играют японские частные фонды, в первую очередь Исламский фонд Сасакавы на Ближнем Востоке (*Sasakawa Middle East Islam Fund, SMEIF*), учрежденный в 2009 г. в рамках известного и весьма влиятельного Мирного фонда Сасакавы [28].

В целом в сфере противодействия международному терроризму администрация Синдзо Абэ делает ставку на политическое взаимодействие с США и странами Запада, предпочитая присоединяться к иницилируемым ими мероприятиям невоенного характера (экономические санкции, разработка мер по усилению пограничного контроля, подготовка местных кадров в сфере обеспечения внутренней безопасности и т. д.) [15]. В условиях высокой конфликтности и слабой предсказуемости развития военно-политической ситуации в регионе японская дипломатия вынуждена признавать свою неискушенность в лавировании в столь сложном и противоречивом геополитическом пространстве, как Ближний Восток, где любой дипломатический просчет чреват внушительными финансово-экономическими и политическими убытками.

Наглядным примером служит недавний Катарский кризис, в ходе которого Япония предприняла очередную попытку выступить в роли медиатора. В мае 2017 г. Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн и Египет разорвали дипломатические отношения и блокировали транспортное сообщение с Катаром, обвинив его в финансировании терроризма. Токио встал перед довольно сложным выбором: в случае поддержки инициаторов бойкота разрыв связей с Дохой дорого обойдется Японии, зависящей от поставок катарского сжиженного природного газа; обратная ситуация обернется для Японии потерей доверия со стороны других нефтедобывающих монархий Залива. Проблема осложнилась и тем, что Катар является вторым после Дубая крупнейшим региональным хабом для японского бизнеса и местом проживания японских экспатриантов. Ограничения, наложенные на Катар, значительно осложнили перемещение по странам Персидского залива для представителей японских деловых кругов, в числе которых крупные корпорации *Marubeni* и *JX Nippon Oil & Gas*, имеющие офисы в Дохе [19].

В сложившихся условиях японское правительство заявило о готовности взять на себя функции посредника как в ходе многосторонних переговоров [18], так и в формате двусторонних встреч с представителями Катара, с которым японские дипломаты обсудили значимость противодействия международному терроризму для региональной и глобальной безопасности [11]. Это была не первая амбициозная заявка Японии на медиаторскую миссию в урегулировании разногласий между государствами Залива. Инцидент с казнью шиитского священника в Саудовской Аравии в 2016 г., вызвавший всплеск напряженности в отношениях между суннитами и шиитами в Саудовской Аравии, Ираке, Бахрейне и Пакистане, также побудил Токио примерить на себя роль миротворца. Как заявил в разгар конфликта Осаму Мията, глава независимого Центра современных исламских исследований Японии, Токио определенно располагает внушительными ресурсами воздействия на конфликтующие стороны [9].

Однако обе попытки Японии использовать методы «челночной дипломатии» не только не увенчались успехом, но привели к внушительным потерям для японского бизнеса в зоне Залива. Крупные японские транснациональные корпорации заняли выжидательную позицию в Катарском кризисе и с тревогой следили за тем, как японская дипломатия решает вопрос с арабским расколом. Компанию *Mizuho*

Securities, входящую в финансовую группу *Mizuho* и вовлеченную в крупные облигационные сделки в Катаре и Саудовской Аравии, региональный конфликт поставил перед выбором между саудовским пакетом предложений стоимостью 11 млрд долларов и катарским на 12 млрд долларов. Позиция нейтралитета в конфликте обернулась для *Mizuho Securities* убытком в 2 млн долларов и утратой права на приобретение ценных бумаг как Саудовской Аравии, так и Катара [14].

Не менее серьезные последствия для японского бизнеса в Персидском заливе имели конфликт, разразившийся в связи с убийством известного саудовского журналиста Джамала Хашогги в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле в октябре 2018 г., и последовавшее за этим международное давление на Эр-Рияд. Годом ранее по инициативе генерального директора *SoftBank* Масаеси Сон был основан совместный японо-саудовский фонд *Vision Fund*, который должен был стать инвестиционной основой участия японских корпораций в реализации масштабной стратегической программы Саудовской Аравии «Видение 2030», причем вклад Эр-Рияда составил половину аккумулированных в фонде средств на сумму 93 млрд долларов. Однако после исчезновения Дж. Хашогги компании Силиконовой долины отказались сотрудничать с фондом, назвав его деньги «кровавыми», в результате чего акции компании Масаеси Сон упали в цене почти на 15 %, а деятельность фонда была приостановлена [20]. Токио предпочел занять выжидательную позицию, стремясь сохранить дружественные отношения с Эр-Риядом [12]. Но, как и в случае с Катарским кризисом, сдержанная позиция японской дипломатии скорее расценивается арабскими партнерами как неуверенная и, возможно, недружественная, что ограничивает дипломатический ресурс Токио и возвращает Японию в рамки политической опоры на США в разрешении конфликтов на Ближнем Востоке.

В целом можно резюмировать, что возможности Японии влиять на процесс урегулирования международных кризисов на Ближнем Востоке ограничены отсутствием у нее места в Совете Безопасности ООН и разногласиями в общественно-политических кругах страны по вопросу об отказе от пацифистских норм японской конституции. Другими важными факторами, сужающими для японской дипломатии пространство для маневра на ближневосточном поле, выступают опасения Токио пошатнуть альянс с США (учитывая особую роль Вашингтона в не менее значимых для Японии восточноазиатских делах) и задеть жизненные интересы ведущих региональных и внерегиональных игроков, которые традиционно находятся в сложных и неоднозначных отношениях как с США, так и между собой. В этой связи Япония вынуждена очень тщательно подходить к выбору внешнеполитического инструментария для защиты национальных интересов страны в зоне Персидского залива и с большой осторожностью использовать как «жесткую», так и «мягкую» силу в процессе усиления своих геополитических позиций на Ближнем Востоке в целом.

1. Динамика объема торговли между Японией и Ираном [Электронный ресурс] // Nippon. 21.01.2019. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/h00332/> (дата обращения: 02.05.2019).

2. Переломный момент в дипломатических отношениях Японии и Ирана: остановка импорта нефти из-за американских санкций [Электронный ресурс] // Nippon. 12.06.2019. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00440/> (дата обращения: 02.09.2019).

3. «Миссия невыполнима»: Премьер Японии попытался помирить Иран и США [Электронный ресурс] // BBC. 14.06.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-48629198> (дата обращения: 02.09.2019).

4. СМИ: Япония создает постоянную военную базу в Джибути [Электронный ресурс] // ИТАР ТАСС, 15.09.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5673812> (дата обращения: 03.09.2019).

5. *Стрельцов Д. В.* Военный пацифизм Японии [Электронный ресурс] // РСМД. 23.09.2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6607#top-content (дата обращения: 02.05.2019).

6. Японские корабли хотят отправить к берегам Ирана [Электронный ресурс] // Независимая газета. 15.07.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-07-15/1_7623_question.html (дата обращения: 03.09.2019).

7. Act on Cooperation for United Nations Peacekeeping Operations and Other Operations (Act No. 79 of June 19, 1992) [Electronic resource] // The Cabinet Office of Japan. URL: http://www.pko.go.jp/pko_j/data/law/pdf/law_e.pdf (accessed: 29.03.2019).

8. Could Japan go minesweeping in the Strait of Hormuz? [Electronic resource] // The Diplomat. 25.02.2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/02/could-japan-go-minesweeping-in-the-strait-of-hormuz/> (accessed: 29.08.2019).

9. Impact on Japan from Saudi-Iranian strife likely to be minimal; mediator role possible: experts [Electronic resource] // Japan Times. 06.01.2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/01/06/business/impact-japan-saudi-iranian-strife-likely-minimal-mediator-role-possible-experts/#.XMWCNi1ePow> (accessed: 29.08.2019).

10. *Inoguchi T.* Japan's foreign policy line after the Cold War // The troubled triangle: economic and security concerns for the United States, Japan, and China. Kodansha, 2013. P. 99–107.

11. Japan and Qatar agree to launch strategic ministerial talks [Electronic resource] // Japan Times. 29.01.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/29/national/politics-diplomacy/japan-qatar-agree-launch-strategic-ministerial-talks/> (accessed: 29.03.2019).

12. Japan stays quiet on suspected killing of Saudi journalist in effort to maintain ties [Electronic resource] // Japan Times. 19.10.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/19/national/politics-diplomacy/japan-stays-quiet-suspected-killing-saudi-journalist-effort-maintain-ties/> (accessed: 29.03.2019).

13. Japan's maritime security talks: part of a global effort [Electronic resource] // NATO. URL: <http://natoassociation.ca/japans-maritime-security-talks-part-of-a-global-effort/> (accessed: 29.03.2019).

14. Japan's Mizuho loses Saudi bond role in ongoing Gulf rift [Electronic resource] // Reuters. 18.04.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mizuho-qatar-saudi-arabia-exclusive/exclusive-japans-mizuho-loses-saudi-bond-role-in-ongoing-gulf-rift-idUSKBN1HP2AE> (accessed: 29.03.2019).

15. *Miyagi Y.* Japan's Middle East security policy: theory and cases [Electronic resource]. URL: <https://books.google.ru/books?id=IUuyuMEM94oC&dq> (accessed: 29.03.2019).

16. Over 35 countries to participate in Aman-17 naval exercise [Electronic resource] // Dawn News. 08.02.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1313517> (accessed: 27.09.2019).

17. *Panda R.* Japan deepens Middle Eastern diplomacy — Analysis [Electronic resource]. URL: <https://www.eurasiareview.com/10012018-japan-deepens-middle-eastern-diplomacy-analysis/> (accessed: 29.03.2019).

18. Qatar and Japan agree to step up strategic alliance [Electronic resource] // Gulf Times. 29.01.2019. URL: <https://www.gulf-times.com/story/620649/Qatar-and-Japan-agree-to-step-up-strategic-alliance> (accessed: 23.03.2019).

19. Qatar crisis presents both threat and opportunity for Japan [Electronic resource] // Asia Nikkei. 19.07.2017. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Qatar-crisis-presents-both-threat-and-opportunity-for-Japan> (accessed: 29.03.2019).

20. Saudi crisis means Masa Son's first mega tech fund could be his last [Electronic resource] // CNN. 19.10.2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/10/19/tech/saudi-softbank-vision-fund/index.html> (accessed: 27.03.2019).

21. *Tsujigami N., Horinuki K.* Japan in the Gulf: Between Intra-bureaucratic Politics and Inter-Asian Rivalry // The Emerging Middle East-East Asia Nexus. Routledge, 2015. P. 85–93.

22. Yomiuri: Япония планирует самостоятельную миссию в Персидском заливе [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. 3.09.2019. <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/03/yomiuri-yaponiya-planiruet-samostoyatelnuyu-missiyu-v-persidskom-zalive> (дата обращения: 29.09.2019).

23. グローバルセキュリティ問題. 防衛省・自衛隊 (Вопросы глобальной безопасности) [Electronic resource] // Ministry of Defence of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/publ/w_paper/pdf/2017/DOJ2017_1-1-3_web.pdf (accessed: 01.10.2019).

24. 中東和平の現状 (Мирный процесс на Ближнем Востоке) [Electronic resource] // Japan Institute of International Affairs. URL: http://www2.jiia.or.jp/pdf/resarch/h22_chuto_wahei_2010/all.pdf (accessed: 27.03.2019).

25. 海上セキュリティの確. 防衛省・自衛隊 (Обеспечение морской безопасности) [Electronic resource] // Ministry of Defence of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/publ/w_paper/pdf/2017/DOJ2017_3-2-2_web.pdf (accessed: 01.10.2019).

26. 外交青書2018. 外務省 (Синяя книга дипломатии 2018) [Electronic resource] // Ministry for Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2018/html/index.html> (accessed: 15.09.2019).

27. 中東研究会概要 (Текущая ситуация на Ближнем Востоке и новый региональный порядок) [Electronic resource] // Japan Institute of International Affairs. URL: http://www2.jiia.or.jp/en/pdf/study_groups/2015/h27rj06.pdf (accessed: 20.03.2019).

28. 目論見 (Цели Фонда Сасакавы) [Electronic resource] // Sasakawa Middle East Islam Fund (SMEIF). URL: <https://www.spf.org/smeif/profile/guideline.html> (accessed: 29.03.2019).

Рукопись поступила в редакцию 16 октября 2019 г.